

Персональные данные как объект правового регулирования: соотношение законодательства, общественного мнения и судебной практики

Е. А. Мамай

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

emamaj@hse.ru

Аннотация

В статье анализируются существующие противоречия между пониманием персональных данных в законодательстве, общественном мнении и судебной практике.

Абстрактная формулировка, содержащаяся в статье 3 Федерального закона «О персональных данных» влечёт за собой широкую вариативность интерпретации содержания, ценности и механизма охраны персональных данных физических лиц, что находит своё наиболее яркое выражение в отечественной судебной практике. Законодательная дефиниция персональных данных, рассматривая в качестве таковых любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), включает в себя широкий спектр способов идентификации личности.

В тоже время изучение общественного мнения и результатов правоприменительной практики позволяет говорить о существенно ином восприятии объёма охраняемой законом информации. В результате проведённого социологического опроса автор пришёл к выводу, что большинством населения не в полной мере осознаётся ценность их персональных данных, при этом в качестве таковых многими рассматриваются только прямые идентификаторы личности.

Изучение множества дел, рассмотренных российскими судами, приводит к выводу об отсутствии единства правоприменительной практики и, как правило, также суженном толковании судами объёма понятия «персональные данные». Подобное противоречие в законодательном определении, социальном восприятии и правоприменении, по мнению автора, обусловлено противоречащими друг другу публичными и частными интересами, столкновение между которыми не может быть разрешено одномоментно.

Ключевые слова: персональные данные, вычисляемые данные, прямая идентификация, косвенная идентификация, личность, Интернет

Библиографическая ссылка: Мамай Е. А. Персональные данные как объект правового регулирования: соотношение законодательства, общественного мнения и судебной практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. Выпуск 7 (Труды XXVI Международной объединённой научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2023, Санкт-Петербург, 26–28 июня 2023 г. Сборник научных статей). — СПб.: Университет ИТМО, 2024. С. 273–292. DOI: 10.17586/2587-8557-2024-7-273-292

1. Введение

Персональные данные имеют огромное значение в современном мире, поскольку содержат информацию о личности человека, его местоположении, финансовых данных и

других конфиденциальных сведениях. Указанная информация используется различными организациями, включая органы государственной власти и местного самоуправления, банки, медицинские учреждения, социальные сети, компании, предоставляющие различные коммерческие услуги и т.д. В современном мире противоречивой тенденцией развития указанной сферы общественной жизни является конкуренция, с одной стороны, законодательного регулирования оборота персональных данных, а с другой стороны, постоянное, системное совершенствование информационных технологий (далее — ИТ), позволяющих все более многообразными, технически изощренными способами устанавливать личность человека. В этой связи правительства многих стран все более строго и всеобъемлюще регулируют оборот персональных данных, стараясь обеспечить надёжность и адекватность защиты конфиденциальности и частной жизни, а также безопасности людей. При этом понимание персональных данных может варьироваться в зависимости от юрисдикции и конкретных законов той или иной страны. В тоже время современные информационные технологии позволяют идентифицировать человека, используя лишь косвенные идентификаторы, такие как IP-адрес, MAC-адрес, идентификатор устройства, файлы cookie и другие технологии отслеживания, используемые в сети Интернет.

В контексте сказанного закономерно встаёт вопрос об адекватности правового регулирования и в целом способности государства достигать законодательно заявленной цели всеобъемлющей защиты персональных данных. Гипотезой настоящего исследования является предположение о том, что законодательно заявляемые цели и уровень защиты персональных данных заведомо недостижимы ввиду, с одной стороны, системного опережения цифровыми технологиями развития законодательного регулирования, а с другой — непонимания важности персональных данных и нежелания полноценного осуществления их защиты со стороны самих их субъектов.

2. Основное содержание

2.1. Обзор литературы

В зарубежной англоязычной литературе вопросы защиты персональных данных встали на повестку дня гораздо раньше, чем это имело место в отечественной науке. Ещё в 1988 году Walden и Savage писали о формировании баз данных, полноте и правильности содержащихся в них сведений, исключении из таких баз охраняемых данных [1]. К 2000-м годам в науке начало формироваться понимание ключевых принципов защиты персональных данных [2], а также сопряжённые с этим противоречия между различными субъективными правами [3]. К концу 2010-х годов в контексте формирования развёрнутого законодательства о защите персональных данных, в частности Общего регламента Европейского союза по защите данных (EU General Data Protection Regulation, GDPR [4]), широко обсуждаются тонкости правового регулирования указанной сферы в целом и в отдельных областях [5, 6, 7], ставится вопрос об экономике персональных данных [8], а также отдельных современных методиках и особенностях защиты персональных данных, обусловленных развитием ИТ, в частности облачного хранения данных [9; 10].

В отечественной научной литературе правовой режим персональных данных и их охрана стали предметом монографических исследований, начиная с 2000-х годов, однако первоначально таковые изучались в более широком контексте конституционных прав граждан [11; 12], в частности, права на информацию [13; 14; 15]. Отдельный вектор исследований составляли работы, посвящённые регулированию оборота конфиденциальной информации в целом и её отдельных категорий, в том числе персональных данных [16; 17; 18]. Позднее учёные стали обращать своё внимание на более узкие отраслевые проблемы охраны персональных данных, в частности в контексте уголовно-правовой и уголовно-процессуальной проблематики [19; 20].

Анализ российской и зарубежной литературы позволяет говорить, что в целом отечественная научная мысль, посвящённая исследованию персональных данных, следует зарубежной, в особенности англоязычной литературе, однако — с некоторым отставанием, обусловленным более высокими темпами развития ИТ в странах западной Европы и США. Характерной чертой юридических исследований в России становится то, что в силу особенностей правовой системы в российской науке осмысление правовых вопросов регулирования оборота персональных данных, как правило, следует развитию законодательства, которое, как неоднократно отмечалось, в свою очередь значительно отстаёт от динамики совершенствования ИТ и нередко расходится с практикой правоприменения.

2.2. Гипотезы, цели, методика, объект и предмет исследования

Гипотеза представленного исследования состоит в том, что проблемы, возникающие в правовой охране персональных данных, обусловлены базовой неопределённостью их содержательного наполнения, что оставляет возможности как расширительного, так и ограничительного толкования рассматриваемого понятия. Опережающее развитие информационных технологий, по нашему мнению, влечёт за собой системное отставание как нормативного регулирования указанной сферы, так и социального, в том числе научного и профессионального правоприменительного, осознания самой сути происходящих изменений и угроз, которые влечёт за собой вовлечение человека в систему цифровых отношений. Гипотеза данной работы предполагает критическую оценку законодательства, соотнесение базовых начал нормативно-правового регулирования оборота персональных данных с фактическим уровнем их правовой охраны, сложившейся судебной практикой, а также внутренней оценкой самими субъектами персональных данных достигнутого уровня правовой защиты.

В силу объективных причин, обусловленных комплексным характером исследуемой сферы общественных отношений, сложностью правового механизма охраны персональных данных, многообразием форм и способов прямой и косвенной идентификации личности, объем настоящего исследования содержательно ограничивается понятием «персональные данные». Объект изучения составляют общественные отношения, складывающиеся в процессе оборота персональных данных. Предмет исследования составили сформулированное на нормативном правовом уровне определение «персональные данные», а также соответствующая ему социологическая база, отражающая осознание обществом персональных данных как объекта правовой охраны, и судебная практика, характеризующая особенности правоприменения в указанной сфере.

Цель настоящего исследования — проверка соответствия нормативно-закреплённой дефиниции понятия «персональные данные» его социальному восприятию и практике судебного правоприменения. Исходя из этого, задачами данной работы определены: 1) анализ содержательного наполнения исследуемого определения; 2) изучение качественной стороны восприятия обществом персональных данных как объекта правового регулирования; 3) определение действительно сложившегося в судебной практике объёма и содержания персональных данных, как объекта правовой охраны.

В качестве базового метода в настоящем исследовании мы считаем необходимым обратиться к формально-юридическому (догматическому) методу научного познания. Его использование должно позволить критически оценить существующие подходы в правовой доктрине через альтернативные им мнения. В качестве вспомогательного методологического инструментария нами использован социологический метод исследования, технико-юридический, логический и языковой анализ текстов нормативных правовых актов, а также эмпирические методы.

В рамках исследования автором изучено более 40 постановлений, определений и иных решений, принятых различными судебными инстанциями в России, в том числе 10 решений, отражающих правовые позиции Конституционного суда Российской

Федерации и Верховного суда Российской Федерации по вопросу обеспечения неприкосновенности частной жизни и охраны персональных данных, а также более 10 решений Европейского суда по правам человека, принятым по делам связанным с использованием ИТ.

Помимо этого, нами проведён онлайн-опрос граждан (более 200 респондентов в возрасте от 17 до 65 лет) и сотрудников правоохранительных органов (более 60 респондентов с опытом работы от 5 до 25 лет в различных подразделениях органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации) на предмет понимания ими персональных данных как объекта правового регулирования, а также системных мер по обеспечению их охраны. Использованный нами в ходе исследования опросник включал в себя 20 вопросов с различными вариантами ответов (оценка по шкале, выбор одного ответа, нескольких ответов — из предложенного ряда и т.д.). В рамках проведённого нами социологического опроса мы не ставили себе целью повторить предшествующие исследования, однако введением в свой опрос формулировок, совпадающих или схожих с опросниками, ранее использованными другими учёными и исследователями, мы постарались верифицировать свои результаты и пришли к выводу об их принципиальном совпадении.

Изучение автором представленного массива информации позволило ему выявить определенные закономерности, отражающие расхождение законодательного определения персональных данных с их пониманием в общественном сознании и практике правоприменения.

2.3. Персональные данные как средство прямой и косвенной идентификации личности

Цифровая сфера коммуникации открывает широкие возможности для прямой и косвенной идентификации личности. Одни данные позволяют непосредственно установить личность человека и соотнести конкретное лицо с имеющимися сведениями о его действиях, высказываниях и суждениях. Другие данные открывают возможности взаимодействия с лицом, персонально его не определяя. Наличие таких данных без должного их регулирования способно подорвать основополагающие принципы информационной сферы, обеспечивающие баланс удовлетворения интересов отдельного лица и всего общества — свободу информации и её необходимое ограничение в процессе реализации [21, с. 176].

Определение понятия «персональные данные» содержится в статье 3 Федерального закона «О персональных данных». В его первоначальной редакции не содержалось упоминания о прямой и косвенной идентификации личности, а делалась отсылка к конкретным видам информации, используемым в указанных целях (фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация) [22]. Избранный законодателем подход, безусловно, был неудачен, поскольку оставлял место для правоприменительного усмотрения и неоднозначной трактовки. С одной стороны, подобная формулировка оставляла возможность расширительного толкования использованного в определении понятия «другая информация». С другой стороны, именно приведённый перечень сведений воспринимался в практике правоприменения как список персональных данных, которым в исключительном порядке законом предоставлена правовая охрана.

Федеральным законом от 30 декабря 2020 года № 519-ФЗ указанное определение было скорректировано и приведено к его текущему виду, определяя в качестве персональных данных любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Следует отметить, что в своём текущем виде официальная дефиниция во многом является калькой определений, используемых нормативных актах стран Европы и отдельных международных организаций, в частности в Рекомендациях ОБСЕ относительно руководящих принципов, регулирующих защиту конфиденциальности и трансграничных потоков персональных данных [23] и

Конвенции о защите физических лиц в отношении автоматической обработки персональных данных [24].

Используя логический и юридико-технический анализ определения, содержащегося в статье 3 Федерального закона «О персональных данных», мы приходим к выводу, что представленная законодательная дефиниция по-прежнему предусматривает вариативность понимания. Обращает на себя внимание, что законодатель использовал определительные качественные прилагательные в краткой форме («прямо» и «косвенно»), а также отглагольные прилагательные совершенного и несовершенного вида («определенный» и «определяемый»).

Представляется важным сделать акцент на различии в понятиях «определенный» и «определяемый», так как отдельное выделение в законе таких субъектов подразумевает их разное правовое положение, поскольку совершенность/несовершенство действия по определению субъекта персональных данных является критерием их разграничения.

Термин «определенный» (перевод англ. «identified», т.е. идентифицированный) относится к чему-то, что уже было распознано или известно, в случае с персональными данными — человеку, который был идентифицирован и может быть отличен от других без необходимости дополнительной информации или контекста. Например, если указаны имя и адрес человека, можно напрямую идентифицировать этого человека.

С другой стороны, термин «определяемый» (перевод англ. «identifiable», т.е. идентифицируемый) относится к чему-то, что можно распознать или отличить от других. В случае с использованием персональных данных лицо не может быть идентифицировано сразу, но его личность может быть определена с помощью дополнительной информации или контекста. Например, если указаны род занятий и местонахождение лица, можно косвенно идентифицировать их путём сопоставления этой информации с другими, например, ранее полученными или общедоступными данными.

Приведённое сочетание морфологических свойств использованных слов, с нашей точки зрения, указывает на четыре возможных варианта идентификации личности в соответствии с законодательным определением понятия «персональные данные»: 1) прямо определенное лицо; 2) прямо определяемое лицо; 3) косвенно определенное лицо; 4) косвенно определяемое лицо (см. таблицу 1).

Таблица 1. Прямая и косвенная идентификация личности в структуре определения понятия «персональные данные»

Соотнесение способа идентификации лица и совершенности (завершённости) действия по его определению	Прямая идентификация	Косвенная идентификация
Совершенство (завершёность) определения лица	Прямо определенное лицо	Косвенно определенное лицо
Несовершенство (незавершёность) определения лица	Прямо определяемое лицо	Косвенно определяемое лицо

С нашей точки зрения, избранный законодателем подход как в первоначальной редакции Федерального закона «О персональных данных», так и в текущем виде небезупречен. Необходимо понимать, что слабой стороной попыток нормативного закрепления понятия «персональные данные», а в дальнейшем и правоприменительной практики, следующей данному определению, является недооценивание, умышленное «закрывание глаз» на возможности прямой и косвенной идентификации личности в среде цифровой коммуникации. Когда человек использует информационные технологии, в частности сеть Интернет, он неизбежно оставляет следы, которые и становятся средством его идентификации. При этом для самой цифровой среды знание его имени, фамилии и отчества

не является определяющим, поскольку других идентификаторов может быть вполне достаточно, чтобы имелось понимание, кто, где, когда и чем занимался в онлайн-среде. Уходя от очевидного в данном случае противоречия, российский законодатель фактически «легализовал» оборот персональных данных, введя в закон определение «персональные данные, разрешённые субъектом персональных данных для распространения». Государство, тем самым, как представляется, сняло с себя ответственность, поскольку дача согласия на обработку персональных данных, разрешённых субъектом персональных данных для распространения, открывает к ним доступ неограниченного круга лиц.

2.4. Социологическое исследование

В качестве средства оценки эффективности законодательного регулирования и правовой охраны персональных данных возможно использование социологических методов исследования. В России изучение оборота персональных данных становилось предметом исследования в рамках нескольких социологических опросов. Так, Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2020 году проводилось исследование, нацеленное на установление уровня ознакомления граждан с проблематикой обработки личных данных в Интернете и рисков их утечки [25]. Одним из настораживающих результатов этого исследования стало то, что почти треть опрошенных респондентов (29%) проявили отсутствие интереса к указанной теме.

В ноябре 2020 г. специалисты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ провели исследование спроса населения на цифровые технологии [26], в том числе, оценивалось мнение граждан об использовании персональных данных. Как показали результаты данного исследовательского проекта, более половины россиян признают, что не могут самостоятельно защититься от кражи персональной информации (52%), однако для защиты личной информации опрошенные чаще прибегали к вариантам, не предполагающим сложных манипуляций, и лишь пятая часть призналась, что пользуются программами, которые ограничивают возможность отслеживать действия в Интернете.

В сентябре 2021 г. ВЦИОМ снова были опубликованы результаты опроса об отношении россиян к сбору, использованию и безопасности их персональных данных [27]. Как отмечают авторы данного исследования, россияне регулярно передают свои личные данные при обращении в государственные, коммерческие организации, а также при использовании интернет-сервисов, при этом более трети опрошенных (37%) не знают, для чего и как могут использоваться их персональные данные.

По результатам проведённого нами опроса особую озабоченность вызывает пренебрежительное, инфантильное, а иногда и нигилистическое отношение граждан к своим персональным данным как объекту правового регулирования. К примеру, более 40% опрошенных высказали мнение о том, что использование информации о них самих или их близких третьими лицами не представляет большой опасности со ссылкой на отсутствие противоправных действий с их стороны (22,33%), а также то, что опрошенные не являются публичными личностями, поэтому никого не интересуют (17,96%). При этом 4,85% опрошенных считают, что названной угрозы для них не существует, поскольку они ничего не размещают в сети Интернет, для 4,36% данный вопрос не представляет актуальности ввиду отсутствия денег, иной вариант ответа выбрали только 2,91%, а остальные (47,59%) — затруднились с ответом.

Основное внимание нашего опроса было сконцентрировано на изучении понимания гражданами самого термина «персональные данные» и его содержательного наполнения. Интересно отметить, что 80% процентов респондентов из предложенного понятийного ряда правильно выбрали определение, соответствующее понятию «персональные данные», однако при этом менее трети опрошенных (28,15%) знакома с понятиями «дактилоскопическая информация» и только половина (47%) — знает, что такое «геномная информация». При кажущейся радужной ситуации с пониманием гражданами персональных данных существенно варьируется интерпретация опрошенными

содержательного наполнения данного объекта правовой охраны. Мы не стремились предложить опрашиваемым лицам исчерпывающий перечень возможных идентификаторов личности, предоставив возможность выбрать иной вариант ответа, если они считают нужным это сделать. Условно все голоса респондентов, опрошенных нами, можно разделить на четыре группы, разрыв между которыми в 20%, 15% и 10% соответственно образует своеобразные ступени и позволяет говорить о конкретных средствах идентификации, которые пользователи в первую очередь рассматривают в качестве своих персональных данных (см. рис. 1).

Рис. 1. Что из перечисленного Вы считаете своими персональными данными? (опрос граждан, в % к общему числу опрошенных)

В первую группу возможных идентификаторов личности вошли: номер и дата выдачи документа, удостоверяющего личность (93,2% опрошенных указали эту позицию в списке), место жительства, регистрации (86,9%), фамилия, имя, отчество, дата рождения (85,4%), реквизиты банковской карты 83,5%. Во вторую группу входят сведения о банковских транзакциях (64,6%); сведения о геолокации телефона (58,3%); фото/видео изображения (52,9%). Наконец, третью группу возможных идентификаторов, выделяемых опрошенными, составили: аудиозаписи голоса (39,8%); поисковые запросы в сети Интернет (37,4%); сведения об истории покупок, заказов через Интернет-магазины (36,9%); сведения о вызове такси, маршрутах движения (33,5%). Из представленного нами ряда в качестве персональных данных наименьшее число опрошенных признали: информацию о хобби, увлечениях (22%); собственные тексты, публикации/посты (17%); комментарии к публикациям/постам, фото/видео (14%). Вполне очевидно, что из предложенного нами перечня далеко не все можно напрямую относить к идентификаторам личности человека, однако иной вариант ответа избрало незначительное число опрошенных (7,3%), что, наряду с результатами, получившими наибольшее число голосов, говорит об очень узком понимании персональных данных подавляющим числом людей.

Важно отметить, что распределение голосов между вариантами ответов, предложенных нами, в опросе обычных граждан и сотрудников правоохранительных органов, в целом совпадает. В тоже время есть и отличия. Результаты опроса профессионалов правоохранительной отрасли, опрошенных нами, с одной стороны, демонстрируют более высокий уровень обеспокоенности фактами возможного неправомерного использования

персональных данных, а с другой стороны — более широкое понимание ими персональных данных как объекта правовой охраны (см. рис. 2).

Рис. 2. Что из перечисленного Вы считаете своими персональными данными?
(опрос сотрудников правоохранительных органов, в % к общему числу опрошенных)

Среди наиболее ярких отличий, полученных нами в ходе исследования, следует назвать тот факт, что фамилию, имя, отчество правоохранители помещают на первое место в числе персональных данных, в то время как обычные граждане — только на третье (разрыв в 8% опрошенных). Также интересно отметить, что профессионалы большей значимостью наделяют поисковые запросы в сети Интернет, а также информацию о маршрутах движения и сведения о вызове такси.

2.5. Судебная практика

Адекватность трактовки персональных данных в действующей системе правового регулирования может быть оценена путём обращения также и к судебной практике. В выработке механизмов правовой охраны персональных данных российская правовая система долгое время, вплоть до 2022 года, следовала практике Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) в его толковании Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). В последней, в свою очередь, предметом особого внимания становилась статья 8 Конвенции, предусматривающая защиту права на уважение частной и семейной жизни и не допускающей, за исключением определенных случаев, вмешательства со стороны публичных властей в осуществление этого права.

Следует отметить, что ЕСПЧ в своих решениях предельно широко трактует понятие «частная жизнь», выработав определенные правовые позиции по указанному вопросу. Так, в своем постановлении от 17 октября 2019 года по делу «Лопес Рибальда (Lopez Ribalda) и другие против Испании» [28] ЕСПЧ пришёл к выводу, что понятие «частная жизнь» является широким термином, не поддающимся исчерпывающему определению. По мнению суда, рассматриваемый принцип может охватывать несколько аспектов физической и социальной идентичности человека, в том числе широкий контекст установления и развития отношений с другими людьми и внешним миром (дело «Денисов против Украины» [29]), личной идентичности человека, включая его имя или фотографию (дело «Шюссель (Schussel) против Австрии» [30], фон Ганновер (Von Hannover) против Германии [31]),

отпечатки пальцев, ДНК-профили, образцы клеток [32] и т.д. В отдельных зарубежных странах в судебной практике, сформированной под влиянием решений ЕСПЧ, также усматривается предельно широкое понимание конфиденциальной информации, к которой, в частности, относятся такие сведения о лице как его образование, семейное положение, религиозность, состояние здоровья, дата и место рождения, имущественное состояние [33], а также национальность, места жительства и пребывания, сведения о личных имущественных и неимущественных отношениях с другими лицами, членами его семьи, данные о явлениях и событиях, которые уже происходили или происходят в бытовой, интимной, товарищеской, профессиональной, деловой и других сферах жизни лица [34]. В конечном итоге, исследователи признают неудачными все попытки доктринально обосновать наличие у права на защиту персональных данных определенных отличий, выходящих за рамки притязаний на уважение частной жизни [35].

Говоря об отечественной судебной практике, касающейся защиты персональных данных, следует отметить, что Конституционный суд Российской Федерации (далее — КС РФ) неоднократно ссылаясь на сформировавшуюся практику, нашедшую отражение в постановлениях ЕСПЧ. В свою очередь в самих решениях КС РФ просматривается устойчивая тенденция защиты сложившейся системы охраны персональных данных, основанной, как нам представляется, в большей степени на формальной стороне вопроса: механизме получения и использования персональных данных. Именно благодаря развивающейся судебной практике в 2013 году ГК РФ был дополнен статьёй 152.2, не допускающей без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни [36]. В тоже время из-под сферы действия указанного запрета была исключена общедоступная, добровольно распространённая информация, а также оборот персональных данных, осуществляемый в государственных, общественных или иных публичных интересах. К публичным интересам судами, в частности, относятся ситуации, когда возникает потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде [37], а также правопорядку и государственной безопасности (например, в связи с розыском граждан, в том числе пропавших без вести либо являющихся участниками или очевидцами правонарушения) [38].

И если в том, что касается государственных, общественных или иных публичных интересов, остаётся возможность реализации дискреционных полномочий суда, т.е. в каждом конкретном случае такие интересы подлежат установлению [39], то в ряде сфер общественной жизни законодательством напрямую предписывается обеспечение публичного размещения персональных данных. К примеру, статьёй 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» предписывается исключение персональных данных в текстах судебных актов, размещаемых в сети «Интернет» [40]. В тоже время согласно закону из них не подлежит исключению целый ряд персональных данных, позволяющих прямо установить их субъекта, таких как ИНН индивидуального предпринимателя, фамилии, имена и отчества истца, ответчика и т.д. На практике в указанной сфере возникает полная противоречий правореализация. Из-за трудоёмкости обезличивания и недостаточной автоматизированности указанного процесса в действительности из текстов судебных актов нередко вычищаются все без исключения персональные данные, даже те, которые подлежат опубликованию. С другой стороны, в карточках судебных дел сохраняются фамилии, имена и отчества истцов, ответчиков, третьих лиц, осужденных и других участников судебного процесса, что сохраняет возможность поиска такой информации в открытом доступе. В ситуациях с редкими фамилиями (например, дела Эдуарда Ромуальдовича Самашки [41], Светланы Петровны Квинт [42; 43]), небольшими населёнными пунктами и резонансными делами эти положения законодательства вступают в очевидное противоречие, поскольку лицо, чьи персональные данные формально защищены, оказывается легко идентифицируемым («прямо определяемым»).

В целом формальность судебной практики с нашей точки зрения состоит в том, что конкретное содержание персональной информации и её численный объем (количество субъектов персональных данных, чьи сведения подвергаются обороту) в большинстве случаев отходит на второй план, когда речь идёт о нарушении предусмотренного законом порядка. Суды и иные правоприменители, а также сами операторы обработки персональных данных в своей деятельности следуют общей логике: устанавливают имеет ли место государственный, общественный или иной публичный интерес, в противном случае — определяют соблюден ли порядок получения и обработки персональных данных. Содержательная же сторона вопроса охраны конкретных персональных данных остаётся за пределами внимания правоприменителей.

На практике суды наиболее часто увязывают понимание персональных данных со сведениями о фамилии, имени, отчестве, месте и дате рождения конкретного лица («прямо определенный» субъект). В тоже время ситуации, когда определяемый субъект известен лишь потенциально, и для его идентификации необходимы дополнительные сведения, позволяющие вычислить, индивидуально определить человека, становятся предметом споров и неоднозначных решений. Следует отметить, что, даже не затрагивая цифровую сферу, система охраны персональных данных содержит внутренние противоречия. К примеру, в Арбитражном суде Нижегородской области рассматривалось заявление ОАО «Домоуправляющая компания Ленинского района» (далее — ДУК) о признании незаконным требования Управления Роскомнадзора по Приволжскому федеральному округу (далее — Управление), касающегося обработки персональных данных [44]. ДУК размещала у подъездов домов информацию с указанием номера квартиры и суммы задолженности, что по мнению Управления позволяло идентифицировать личность жильца и определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту (должнику). В тоже время, согласно разъяснениям Роскомнадзора, содержащимся на официальном сайте, размещение списка должников (в том числе в Интернете) в объёме «номер квартиры» и «сумма задолженности» не содержит признаков нарушения российского законодательства в области персональных данных [45]. В итоге, следуя мнению регулятора, суд пришёл к заключению, что грубым нарушением управляющей компанией законодательства РФ было бы указание дополнительных сведений (ФИО, фамилия и инициалы), которые бы позволяли отнести их к конкретному физическому лицу.

В приведённом примере, с нашей точки зрения, является вполне очевидным, что указание сведений о месте жительства делает лицо либо «косвенно определенным», учитывая потенциальное знание соседями по подъезду (дому) друг друга, или «косвенно определяемым», понимания, что размещаемая информация может вызвать интерес окружающих и желание установить личность должника. В свою очередь, внимание со стороны общества должно выполнить роль дополнительного, в отличие от права, социального регулятора и повлечь за собой погашение лицом своей задолженности перед ДУКом. Собственно, на это и рассчитана подобная тактика действий управляющих компаний, что находит своё отражение в практике и других судов [46].

При всем этом суды в своих решениях отмечают, что сведения следует считать персональными данными, если их совокупность необходима и достаточна для идентификации лица, даже если они не включают в себя данные документов, удостоверяющих личность. В развитие этой мысли, в частности, указываются такие идентификаторы, которые сами по себе однозначно определяют физическое лицо, как номер и серия паспорта; страховой номер индивидуального лицевого счета; идентификационный номер налогоплательщика; биометрические данные; банковский счёт, номер банковской карты и т. д. [47].

Отдельным проблемным вопросом правоприменения является квалификация номера телефона, адреса электронной почты, других идентификаторов, сопряжённых с использованием цифровых технологий, в качестве персональных данных. Судебная практика в указанной части также неоднозначна. К примеру, апелляционным определением

Нижегородского областного суда было признано нарушающим правила оборота персональных данных использование банком телефонного номера адвоката для доведения информации в связи с просроченной кредитной задолженностью, образовавшейся у его клиента [48]. При этом суд отверг доводы ответчика (банка) о том, что информация с телефонным номером истца размещена в сети интернет, что исключает необходимость получения согласия субъекта на обработку его персональных данных. Суд не признал такие данные общедоступными, поскольку телефонный номер, по его мнению, был размещён в сети интернет в целях оказания юридических услуг (т.е. в связи с трудовой деятельностью), в то время как ответчик (банк) воспользовался персональными данными истца с другой целью.

Также персональными данными может быть признан и адрес электронной почты. В этом контексте интересен судебный процесс, развернувшийся в 2015-2018 годах между ООО «Рамблер Интернет Холдинг» и пользователем его почтового сервиса Ждановым Александром Фёдоровичем. В указанном деле предметом рассмотрения стало требование истца, А. Ф. Жданова, предоставить ему как субъекту персональных данных сведения в подтверждение факта обработки персональных данных оператором, прекратить такую обработку путём их уничтожения, а также не направлять рекламные сообщения. Ответчик в добровольном порядке требования не удовлетворил. В обоснование своей позиции представители компании Рамблер указали, что в рамках сервиса электронной почты Рамблера не производится обработка персональных данных пользователей, а установить конкретное физическое лицо на основании электронного адреса невозможно. Тем не менее, суд признал надлежащим отзыв согласия на обработку персональных данных, включающий адрес электронной почты истца в числе прочих сведений его идентифицирующих, и отклонил довод Рамблера о том, что он не мог соотнести лицо, написавшее заявления (истца), с лицом, владеющим адресом электронной почты [49]. На оператора почтового сервиса была возложена обязанность прекратить рассылку сообщений рекламного характера на данный адрес электронной почты. В итоге серии указанных судебных процессов Рамблер прекратил доступ истца к сервису электронной почты, что в новой серии судебных решений также было признано незаконным [50].

Потенциально ещё более сложный статус в качестве идентификаторов конкретных субъектов общественных отношений имеют цифровые следы, образующиеся в процессе использования информационно-телекоммуникационных технологий, такие как IP-адрес, идентификатор устройства, файлы cookie и другие технологии отслеживания. Судебная практика в этой части также сталкивается со множеством трудностей. Так, уже сейчас встаёт вопрос о признании IP-адресов компьютеров уникальными идентификаторами, принадлежащими конкретным лицам. К примеру, Арбитражный суд Республики Татарстан в своём решении по делу № А65-4477/2022 признал частичное совпадение IP-адресов доказательством того, что лица использовали одну точку доступа для выхода в Интернет, что послужило, в числе прочих доказательств, основанием для привлечения виновных к ответственности за уклонение от уплаты налогов. Суд подтвердил выявленные мероприятиями налогового контроля свидетельства умышленного совершения противоправных деяний, выразившихся в имитации сделок с контрагентами путём создания формального документооборота с целью минимизации налогов, подлежащих к уплате в бюджет [51]. При этом интересно, что судом не анализировался вопрос об использовании статических или динамических IP-адресов при осуществлении хозяйственного документооборота.

Рассмотренные примеры из судебной практики, в целом показывают всю сложность и многогранность вопроса о содержании персональных данных при недостаточной урегулированности указанного вопроса со стороны законодательства, а также не полной готовностью юристов-правоприменителей к разрешению споров, сопряжённых с использованием ИТ.

3. Заключение

Сложная природа персональных данных и вероятностный характер установления личности, которое может быть осуществлено с их помощью, позволяют говорить об узком и широком смысле идентификации человека. Если рассматривать персональные данные в узком смысле, только как сведения о прямо определенном лице, таковые выступают средством его чёткого установления и становятся инструментом («ключом») доступа к ресурсам субъекта персональных данных. Заполучая такой «ключ», третьи лица способны вступать в правовые отношения, совершать правонарушения и получать различные блага, прикрываясь именем субъекта персональных данных (например, снимать денежные средства с принадлежащей субъекту персональных данных банковской карты). Однако, традиционно понимаемые людьми так называемые «классические» идентификаторы личности (фамилия, имя, отчество лица, дата его рождения, номер и дата выдачи документа, удостоверяющего личность, место жительства, регистрации), постепенно уходят на второй план в ряду иных средств, которые формируются в среде цифровой коммуникации. Как показали результаты проведённого нами социологического опроса, субъекты персональных данных очень узко понимают содержание исследуемого понятия, зачастую не осознавая весь спектр тех средств, которыми они могут быть идентифицированы.

В широком смысле понимание персональных данных является предметом дискуссии. С использованием информационно-телекоммуникационных технологий путём сопоставления сведений из различных источников, онлайн и оффлайн ресурсов лицо из категории «определяемый» может достаточно просто перейти в категорию «определённый», из «косвенно определяемого» в «прямо определённого». Как нами установлено в ходе данного исследования, в судебной и иной правоприменительной практике не сформировалось чёткого понимания того, каковы достаточные данные для потенциального определения личности субъекта персональных данных. При этом, к сожалению, традиционно цифровой и «аналоговый» миры слишком жёстко разграничиваются, игнорируются источники поступления идентифицирующей информации из одного «мира» в другой, в прямом и обратном направлении. Важно помнить, что несмотря на появление и развитие цифровых технологий, ничто не отменяет существование социальной среды и соответствующих ей связей между конкретными людьми, а это позволяет устанавливать личность субъекта персональных данных многообразными средствами, не ограничивающимися только цифровым или только «реальным» миром.

Для целей косвенной идентификации в среде ИТ могут использоваться вымышленное имя (псевдоним) лица, увязанное с адресом установки оконечного оборудования, идентификатором пользовательского оборудования, абонентским номером и другими данными. При этом, как это и не парадоксально, далеко не всегда точно известный идентификатор в цифровом пространстве говорит о персонально-определённом лице, и наоборот, индивидуально-определённое лицо, скрывающее свою личность, может действовать в среде цифровой коммуникации посредством нескольких различающихся идентификаторов.

Как мы отметили выше, в сложившейся судебной практике основной акцент делается на механизме защиты персональных данных, а не на их содержании. Во-первых, речь идёт о процедуре получения согласия на обработку персональных данных. Во-вторых, недопустимости отклонения от тех целей и задач обработки персональных данных, на которые получено согласие от конкретного субъекта персональных данных. Наконец, в-третьих, недопустимости передачи собранной информации третьим лицам, если на таковое опять-таки не было получено согласие охраняемого законом лица. В своей деятельности суды сугубо формально оценивают проблемы в системе оборота персональных данных, зачастую квалифицируя ненадлежащее обращение персональных данных о сотнях и тысячах людей лишь как «осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением

(лицензией)» [52]. Важно отметить, что в последние годы суммы штрафов за нарушение требований об обработке персональных данных значительно возросли, что, однако, существенным образом не повлияло на масштабы их теневого оборота.

Сформированный законодательный механизм охраны персональных данных относится высшей судебной инстанцией нашего государства «к неизбежным издержкам свободы информации в демократическом обществе» [53]. Однако, так ли это? Насколько неизбежны названные издержки? Нам представляется, что система охраны персональных данных уже сейчас зашла в тупик, определяемый неразрешённостью основополагающей проблемы, связанной с тем, что считать персональными данными, и как соотносить публичные и частные интересы в указанной сфере. Персональные данные, обрабатываемые в современном мире, особенно в его цифровом измерении, становятся важным ресурсом, использование которого не находит своего должного законодательного регулирования. Установив предельно широкое понимание персональных данных, законодатель так и не сформировал чёткого, однозначно функционирующего механизма их охраны.

Литература

- [1] Walden I. N., Savage R.N. Data Protection and Privacy Laws: Should Organisations Be Protected? // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1988. Vol. 37. No. 2. P. 337–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/760158> (дата обращения: 25.03.2023).
- [2] Roos A. Core Principles of Data Protection Law // *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. 2006. Vol. 39. No. 1. P. 102–30. URL: <http://www.jstor.org/stable/23253014> (дата обращения: 25.03.2023).
- [3] Ticher P. Data Protection vs. Freedom of Information: Access and Personal Data // IT Governance Publishing. 2008. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt5hh4kj> (дата обращения: 25.03.2023).
- [4] IT Governance Privacy Team // *EU General Data Protection Regulation (GDPR) – An implementation and compliance guide, fourth edition*. IT Governance Publishing. 2020. DOI: 10.2307/j.ctv17f12pc.
- [5] Ghibellini N. Some Aspects of the EU’s New Framework for Personal Data Privacy Protection // *The Business Lawyer*. 2017. № 106. 207–314. URL: <https://www.jstor.org/stable/26419199> (дата обращения: 25.03.2023).
- [6] Mostert M., Bredenoord A.L., van der Sloot B., van Delden J. From Privacy to Data Protection in the EU: Implications for Big Data Health Research // *European Journal of Health Law*. 2018. Vol. 25. No. 1. P. 43–56. URL: <https://www.jstor.org/stable/48712960> (дата обращения: 25.03.2023).
- [7] Todt K. E. Data Privacy and Protection: What Businesses Should Do // *The Cyber Defense Review*. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 39–46. URL: <https://www.jstor.org/stable/26843891> (дата обращения: 25.03.2023).
- [8] Elvy S. Paying for privacy and the personal data economy // *Columbia Law Review*. 2017. Vol. 117. No. 6. P. 1369–1459. URL: <http://www.jstor.org/stable/44392955> (дата обращения: 25.03.2023).
- [9] Ticher P. Data Protection and the Cloud - Are You Really Managing the Risks? // IT Governance Publishing. 2018. DOI: 10.2307/j.ctv6wgk12.
- [10] Toit J. Protecting Private Data Using Digital Rights Management // *Journal of Information Warfare*. 2018. Vol. 17. No. 3. P. 64–77. URL: <https://www.jstor.org/stable/26633166> (дата обращения: 25.03.2023).
- [11] Преснякова А. В. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества: современный зарубежный опыт: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 26 с.
- [12] Вечканова Н. В. Конституционное регулирование и судебная защита личных прав и свобод в странах СНГ: Дис... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 255 с.

- [13] Скопец П. С. Государственно-правовое регулирование конституционного права граждан России на информацию и его ограничений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 23 с.
- [14] Лапо Л. Г. Конституционно-правовое регулирование ограничения права на информацию в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 23 с.
- [15] Вахрамеев Р. Г. Право на информацию в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 26 с.
- [16] Соколова О. С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 27 с.
- [17] Покаместова Е. Ю. Правовая защита конфиденциальности персональных данных несовершеннолетних: Дис... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. 204 с.
- [18] Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: Дис... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 218 с.
- [19] Гутник С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: Дис... канд. юрид. наук. Красноярск, 2017. 241 с.
- [20] Хазиев Р. М. Ограничение права на неприкосновенность частной жизни и личности в ходе расследования уголовного дела: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. 25 с.
- [21] Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов М.: Юрайт, 2023. 419 с. С. 176.
- [22] Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 2006. 29 июля.
- [23] Recommendation of the Council concerning Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data OECD/LEGAL/0188 Adopted on: 23/09/1980 Amended on: 11/07/2013. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0188> (дата обращения: 25.03.2023).
- [24] Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data Strasbourg, 28.01.1981. URL: <https://rm.coe.int/1680078b37> (дата обращения: 25.03.2023).
- [25] Персональные данные в интернете: угроза утечки и как с ней бороться // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 25.03.2023).
- [26] Готовы ли пользователи рунета делиться персональными данными? // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/450602433.html> (дата обращения: 25.03.2023).
- [27] Сохранность персональных данных // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sokhrannost-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 10.04.2023).
- [28] Case of López Ribalda and others v. Spain (Applications nos.1874/13 and 8567/13) 17 October 2019. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-197098> (дата обращения: 25.03.2023).
- [29] Case of Denisov v. Ukraine (Application no. 76639/11) 25 September 2018. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186216> (дата обращения: 25.03.2023).
- [30] Decision as to the Admissibility of Application no. 42409/98 by Wolfgang SCHÜSSEL against Austria. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-22209> (дата обращения: 25.03.2023).
- [31] Case of Von Hannover v. Germany (No. 2) (Applications nos. 40660/08 and 60641/08) 7 February 2012. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109029> (дата обращения: 25.03.2023).
- [32] Case of S. and Marper v. the United Kingdom (Applications nos. 30562/04 and 30566/04) 4 December 2008. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90051> (дата обращения: 25.03.2023).
- [33] Решение Конституционного Суда Украины по делу о коррупционных правонарушениях и введении в действие антикоррупционных законов от 6 октября 2010 года № 21-рп/2010

- // Конституционный Суд Украины: официальный сайт. URL: <http://www.ccu.gov.ua/ru/doccatalog/list?currDir=168476> (дата обращения: 25.03.2023).
- [34] Решение Конституционного Суда Украины по официальному толкованию положений ч. 1, ч. 2 ст. 32, ч. 2, ч. 3 ст. 34 Конституции Украины по конституционному представлению Жашковской районной рады Черкасской области от 20 января 2012 года № 2-рп/2012 // Конституционный Суд Украины: официальный сайт. URL: <http://www.ccu.gov.ua/ru/doccatalog/list?currDir=169779> (дата обращения: 25.03.2023).
- [35] Варламова Н.В. Цифровые права - новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 141.
- [36] Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 5 июля.
- [37] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 года № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. 2010. 18 июня.
- [38] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 30 июня.
- [39] Постановление Волгоградского областного суда от 20 сентября 2018 по делу № 4а-697/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KEEQuksHvnl/> (дата обращения: 25.03.2023).
- [40] Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Российская газета. 2008. 26 декабря.
- [41] Апелляционное определение Санкт-Петербургский городского суда от 10 января 2013 года по делу № 33-214/2013 (33-18155/2012; 2-2973/12). URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=73134491&case_uid=7679ef18-cc5e-4231-8760-c193e68a5f45&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 25.03.2023).
- [42] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 8 ноября 2022 года дело № 2-423/2022 (УИН 78RS0014-01-2021-004839-42). URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=74888376&case_uid=ba9ca318-7cee-4d66-8f10-d9cf3e8f0928&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 25.03.2023).
- [43] Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19 апреля 2017 года по делу № 33-7669/2017. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=73743845&case_uid=61e61c46-4e5a-4bed-a073-19183140f8df&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 25.03.2023).
- [44] Арбитражный суд Нижегородской области от 01 сентября 2022 года по делу № А43-11605/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PvRiMWBGFft/> (дата обращения: 25.03.2023).
- [45] Вниманию граждан: о размещении личных данных потребителей коммунальных услуг на сайтах управляющих компаний. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news52114.htm> (дата обращения: 25.03.2023).
- [46] Определение первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2020 г. по делу № 88-26394/2020 (2-254/2020), УИД: 36RS0001-01-2019-003476-18. URL: http://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=29119737&case_uid=e81defc7-b32b-4864-b2c2-d8ffc4da3427&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 25.03.2023).

- [47] Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 04.07.2017 по делу № 33-6394/2017. URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1344837&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 25.03.2023).
- [48] Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 11.10.2016 по делу N 33-12355/2016. URL: https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=20032761&case_uid=cd260b8f-7200-4c72-a296-4abb1e44b809&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 25.03.2023).
- [49] Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 27 сентября 2016 года по делу № 33-9626/2016. URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=40412363&case_uid=5b66783c-5bdd-4926-8a1e-7de4bcafe449&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 25.03.2023).
- [50] Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 20 марта 2018 года по делу № 33-2679/2018. URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=40535451&case_uid=50ab4e13-08dd-43b1-9578-b63e33abd477&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 25.03.2023).
- [51] Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 11 мая 2022 года по делу № А65-4477/2022 // Арбитражный суд Республики Татарстан. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/97d2ee5e-cab1-41c8-a08c-d87f69220d55/08e2820f-db65-4797-b102-470611537b92/A65-4477-2022_20220518_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.03.2023).
- [52] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 16 марта 2016 года по делу № А56-6698/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/be2cdd28-2ca7-418a-95e1-430fe0ff75b7/6b3fbb8a-91b3-4f39-8528-e2e71278b1e4/A56-6698-2016_20160316_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.04.2023).
- [53] Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 года № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» // Российская газета. 2021. 8 июня.

Personal Data as an Object of Legal Regulation: Correlation of Legislation, Public Opinion and Judicial Practice

Е. А. Мамай

HSE University – Nizhny Novgorod

The article analyzes the existing contradictions between the understanding of personal data in legislation, public opinion and judicial practice. The abstract wording contained in Article 3 of the Federal Law "On Personal Data" entails a wide variability in the interpretation of the content, value and mechanism for the protection of personal data, which finds its most striking expression in domestic judicial practice. The legislative definition considering the personal data as any information relating to a directly or indirectly identified or identifiable natural person (data subject), includes a wide range of methods for identifying a person. At the same time, the study of public opinion and the law enforcement practice allows to talk about a significantly different perception of the amount of information protected by law. As a result of a sociological survey, the

author came to the conclusion that the majority of the respondents is not fully aware of the value of their personal data, while many consider as their personal data only information which allows directly identify them. The case law study leads to the conclusion that there is no unity of law enforcement practice. As a rule, the courts also narrowly interpret the scope of the concept of "personal data". Such a contradiction in the legislative definition, social perception and law enforcement, according to the author, is due to conflicting public and private interests, the clash between which cannot be resolved at once.

Keywords: personal data, calculated data, direct identification, indirect identification, individual, Internet

Reference for citation: Mamay E. A. Personal Data as an Object of Legal Regulation: Correlation of Legislation, Public Opinion and Judicial Practice // *Information Society: Education, Science, Culture and Technology of Future*. Vol. 7 (Proceedings of the XXVI International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2023, St. Petersburg, June 26–28, 2023). — St. Petersburg: ITMO University, 2024. P. 273–292. DOI: 10.17586/2587-8557-2024-7-273-292

Reference

- [1] Walden I. N., Savage R. N. Data Protection and Privacy Laws: Should Organisations Be Protected? // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1988. Vol. 37. No. 2. P. 337–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/760158> (accessed date: 25.03.2023).
- [2] Roos A. Core Principles of Data Protection Law // *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*. 2006. Vol. 39. No. 1. P. 102–30. URL: <http://www.jstor.org/stable/23253014> (accessed date: 25.03.2023).
- [3] Ticher P. Data Protection vs. Freedom of Information: Access and Personal Data // IT Governance Publishing. 2008. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt5hh4kj> (accessed date: 25.03.2023).
- [4] It Governance Privacy Team // *EU General Data Protection Regulation (GDPR) – An implementation and compliance guide, fourth edition*. IT Governance Publishing, 2020. DOI: 10.2307/j.ctv17f12pc.
- [5] Ghibellini N. Some Aspects of the EU's New Framework for Personal Data Privacy Protection // *The Business Lawyer*. 2017. Vol. 73. No. 1. P. 207–14. URL: <https://www.jstor.org/stable/26419199> (accessed date: 25.03.2023).
- [6] Mostert M., Bredenoord A.L., van der Sloot B., van Delden J. From Privacy to Data Protection in the EU: Implications for Big Data Health Research // *European Journal of Health Law*. 2018. Vol. 25. No. 1. P. 43–56. URL: <https://www.jstor.org/stable/48712960> (accessed date: 25.03.2023).
- [7] Todt K.E. Data Privacy and Protection: What Businesses Should Do // *The Cyber Defense Review*. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 39–46. URL: <https://www.jstor.org/stable/26843891> (accessed date: 25.03.2023).
- [8] Elvy S. Paying for privacy and the personal data economy // *Columbia Law Review*. 2017. Vol. 117. No. 6. P. 1369–1459. URL: <http://www.jstor.org/stable/44392955> (accessed date: 25.03.2023).
- [9] Ticher P. Data Protection and the Cloud - Are You Really Managing the Risks? // IT Governance Publishing. 2018. DOI: 10.2307/j.ctv6wgk12.
- [10] Toit J. Protecting Private Data Using Digital Rights Management // *Journal of Information Warfare*. 2018. Vol. 17. No. 3. P. 64–77. URL: <https://www.jstor.org/stable/26633166> (accessed date: 25.03.2023).
- [11] Presnyakova A.V. Konstitucionnoe pravo na neprikosnovennost' chastnoj zhizni v usloviyah informatizacii obshchestva: sovremennyy zarubezhnyj opyt: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010. 26 p. (In Russian).

- [12] Vechkanova N.V. Konstitucionnoe regulirovanie i sudebnaya zashchita lichnyh prav i svobod v stranah SNG: Dis... kand. jurid. nauk. Moskva, 2014. 255 p. (In Russian).
- [13] Skopec P.S. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie konstitucionnogo prava grazhdan Rossii na informaciyu i ego ogranichenij: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2006. 23 p. (In Russian).
- [14] Lapo L.G. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie ogranicheniya prava na informaciyu v Rossijskoj Federacii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013. 23 p. (In Russian).
- [15] Vahrameev R.G. Pravo na informaciyu v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovoe issledovanie: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2015. 26 p. (In Russian).
- [16] Sokolova O.S. Administrativno-pravovye rezhimy konfidencial'noj informacii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2005. 27 p. (In Russian).
- [17] Pokamestova E.YU. Pravovaya zashchita konfidencial'nosti personal'nyh dannyh nesovershennoletnih: Dis... kand. jurid. nauk. Voronezh, 2006. 204 p. (In Russian).
- [18] Bundin M.V. Personal'nye dannye v sisteme informacii ogranichenogo dostupa: Dis... kand. jurid. nauk. Moskva, 2017. 218 s. (In Russian).
- [19] Gutnik S.I. Uголовно-pravovaya charakteristika prestupnyh posyagatel'stv v otnoshenii personal'nyh dannyh: Dis... kand. jurid. nauk. Krasnoyarsk, 2017. 241 p. (In Russian).
- [20] Haziev R.M. Ogranichenie prava na neprikosновенnost' chastnoj zhizni i lichnosti v hode rassledovaniya uголовного дела: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2016. 25 p. (In Russian).
- [21] Bachilo I. L. Informacionnoe pravo: uchebnik dlya vuzov M.: YUrajt, 2023. 419 p. (In Russian).
- [22] Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 goda № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» // Rossijskaya gazeta. 2006. 29 iyulya. (In Russian).
- [23] Recommendation of the Council concerning Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data OECD/LEGAL/0188 Adopted on: 23/09/1980 Amended on: 11/07/2013 URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0188> (accessed date: 25.03.2023).
- [24] Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data Strasbourg, 28.01.1981 URL: <https://rm.coe.int/1680078b37> (accessed date: 25.03.2023).
- [25] Personal'nye dannye v internete: ugroza utechki i kak s nej borot'sya // WCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nei-borotsja> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [26] Gotovy li pol'zovateli runeta delit'sya personal'nymi dannyimi? // Institut statisticheskikh issledovanij i ekonomiki znaniy NIU VSHE. URL: <https://issek.hse.ru/news/450602433.html> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [27] Sohrannost' personal'nyh dannyh // WCIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sokhrannost-personalnykh-dannykh> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [28] Case of López Ribalda and others v. Spain (Applications №№ 1874/13 and 8567/13) 17 October 2019. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-197098> (accessed date: 25.03.2023).
- [29] Case of Denisov v. Ukraine (Application № 76639/11) 25 September 2018. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186216> (accessed date: 25.03.2023).
- [30] Decision as to the Admissibility of Application №42409/98 by Wolfgang Schüssel against Austria. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-22209> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [31] Case of Von Hannover v. Germany (№ 2) (Applications №№ 40660/08 and 60641/08) 7 February 2012. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109029> (accessed date: 25.03.2023).

- [32]Case of S. and Marper v. the United Kingdom (Applications nos. 30562/04 and 30566/04) 4 December 2008. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-90051> (accessed date: 25.03.2023).
- [33]Reshenie Konstitucionnogo Suda Ukrainy po delu o korrupcionnyh pravonarusheniyah i vvedenii v dejstvie antikorrupcionnyh zakonov ot 6 oktyabrya 2010 goda № 21-rp/2010. URL: <http://www.ccu.gov.ua/ru/doccatalog/list?currDir=168476> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [34]Reshenie Konstitucionnogo Suda Ukrainy po oficial'nomu tolkovaniyu polozhenij ch. 1, ch. 2 st. 32, ch. 2, ch. 3 st. 34 Konstitucii Ukrainy po konstitucionnomu predstavleniyu ZHashkovskoj rajonnoj rady CHERkasskoj oblasti ot 20 yanvarya 2012 goda № 2-rp/2012. URL: <http://www.ccu.gov.ua/ru/doccatalog/list?currDir=169779> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [35]Varlamova N.V. Cifrovye prava - novoe pokolenie prav cheloveka? (okonchanie) // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2019. Vol. 14. No. 5. P. 141.
- [36]Federal'nyj zakon ot 2 iyulya 2013 goda № 142-FZ «O vnesenii izmenenij v podrazdel 3 razдела I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2013. 5 iyulya. (In Russian).
- [37]Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 iyunya 2010 goda № 16 (red. ot 09.02.2012) «O praktike primeneniya sudami Zakona Rossijskoj Federacii «O sredstvah massovoj informacii» // Rossijskaya gazeta. 2010. 18 iyunya. (In Russian).
- [38]Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 iyunya 2015 goda № 25 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razдела I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2015. 30 iyunya. (In Russian).
- [39]Postanovlenie Volgogradskogo oblastnogo suda ot 20 sentyabrya 2018 po delu № 4a-697/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KEEquksHvnl/> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [40]Federal'nyj zakon ot 22 dekabrya 2008 goda № 262-FZ (red. ot 14.07.2022) «Ob obespechenii dostupa k informacii o deyatel'nosti sudov v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023) // Rossijskaya gazeta. 2008. 26 dekabrya. (In Russian).
- [41]Apellyacionnoe opredelenie Sankt-Peterburgskij gorodskogo suda ot 10 yanvarya 2013 goda po delu № 33-214/2013 (33-18155/2012; 2-2973/12). URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=73134491&case_uid=7679ef18-cc5e-4231-8760-c193e68a5f45&delo_id=5&new=5 (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [42] Apellyacionnoe opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 8 noyabrya 2022 goda delo № 2-423/2022. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=74888376&case_uid=ba9ca318-7cee-4d66-8f10-d9cf3e8f0928&delo_id=5&new=5 (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [43] Apellyacionnoe opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 19 aprelya 2017 goda po delu № 33-7669/2017. URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=73743845&case_uid=61e61c46-4e5a-4bed-a073-19183140f8df&delo_id=5&new=5 (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [44]Arbitrazhnyj sud Nizhegorodskoj oblasti ot 01 sentyabrya 2022 goda po delu № A43-11605/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PvRiMWBGFf/> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [45]Vnimaniju grazhdan: o razmeshchenii lichnyh dannyh potrebitelej kommunal'nyh uslug na sajтах upravlyayushchih kompanij. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news52114.htm> (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [46] Opredelenie pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdicicii ot 18 noyabrya 2020 g. po delu № 88-26394/2020 (2-254/2020). URL: http://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=29119737&case_uid=e81defc7-b32b-4864-b2c2-d8ffc4da3427&new=2800001&delo_id=2800001 (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).

- [47] Apellyacionnoe opredelenie Novosibirskogo oblastnogo suda ot 04.07.2017. po delu № 33-6394/2017 URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1344837&delo_id=5&new=5&text_number=1 (access date: 25.03.2023). (In Russian).
- [48] Apellyacionnoe opredelenie Nizhegorodskogo oblastnogo suda ot 11.10.2016 po delu N 33-12355/2016 URL: https://oblsud--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=20032761&case_uid=cd260b8f-7200-4c72-a296-4abb1e44b809&delo_id=5&new=5 (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [49] Apellyacionnoe opredelenie Novosibirskogo oblastnogo suda ot 27 sentyabrya 2016 goda po delu № 33-9626/2016. URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=40412363&case_uid=5b66783c-5bdd-4926-8a1e-7de4bcafe449&result=1&delo_id=5&new=5 (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [50] Apellyacionnoe opredelenie Novosibirskogo oblastnogo suda ot 20 marta 2018 goda po delu № 33-2679/2018. URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=40535451&case_uid=50ab4e13-08dd-43b1-9578-b63e33abd477&result=1&delo_id=5&new=5 (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [51] Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Tatarstan ot 11 maya 2022 goda po delu № A65-4477/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/97d2ee5e-cab1-41c8-a08c-d87f69220d55/08e2820f-db65-4797-b102-470611537b92/A65-4477-2022_20220518_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [52] Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti ot 16 marta 2016 goda po delu № A56-6698/2016. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/be2cdd28-2ca7-418a-95e1-430fe0ff75b7/6b3fbb8a-91b3-4f39-8528-e2e71278b1e4/A56-6698-2016_20160316_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (accessed date: 25.03.2023). (In Russian).
- [53] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25 maya 2021 goda № 22-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 8 chasti 1 stat'i 6 Federal'nogo zakona «O personal'nyh dannyh» v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «MedRejting» // Rossijskaya gazeta. 2021. 8 iyunya. (In Russian).